

В а д и м М е с я ц

**Второй концерт
Рахманинова
как
национальная
идея**

2013

Вадим Геннадьевич Месяц
Второй концерт Рахманинова
как национальная идея:
критика, полемика, интервью

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27050269

*Второй концерт Рахманинова как национальная идея: критика,
полемика, интервью:
ISBN 978-5-91627-125-6*

Аннотация

Во вторую книгу «нон-фикшн» Вадима Месяца (поэт, прозаик, издатель, р. 1964) вошли предисловия к первым пяти номерам журнала «Гвидеон», рецензии, интервью, портреты поэтов современников, воспоминания об Аркадии Драгомощенко (печатаются впервые), автобиография, написанная для Уральской антологии современной поэзии. Отдельная часть книги посвящена полемике с Аркадием Штыпелем на www.polit.ru, Дмитрием Кузьминым в «Новом мире», Александром Улановым в «Новом литературном обозрении». Вадим Месяц показывает динамику развития издательского проекта «Русский Гулливер», ставшего одним из самых заметных явлений в литературе за последнее десятилетие. Книга представляет интерес для специалистов в области современного искусства, преподавателей

и студентов, для всех, кто заинтересован в возрождении нашей культуры.

Содержание

Несколько слов от составителя	5
«Мы то, что воображаем...»	12
«Гвидеон»:	25
«Гвидеон»: алхимия творчества	25
Второй концерт Рахманинова как национальная идея	28
Праздник непослушания	39
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Вадим Месяц Второй концерт Рахманинова как национальная идея: критика, полемика, интервью

Несколько слов от составителя

Предваряя «вторую книгу критики» Вадима Месяца, я хочу сказать несколько слов по поводу того, о чем она написана и с какой целью. Несколько последних лет я занимался тем, что можно назвать практическим стиховедением, все более прямо и беспристрастно вглядываясь в процесс стихотворчества. Прежде всего мне было интересно определить, где находится ядро поэзии, то самое ее вещество, ее эссенция, без которой она не существует, не является больше поэзией. То есть что это за условие, при котором поэзия, сохраняя его, остается поэзией, а утратив – становится в лучшем случае имитацией. Я перечитывал и взвешивал на язы-

ке и сердце древнюю религиозную поэзию, древних китайских поэтов, греческие гимны и эпиграммы, «Житие протопопы Аввакума», древнеанглийскую поэзию, французский XIX, американский и русский XX век и т. д. Открытий было много, и большинство из них не хотело уместиться на языке и формулироваться в слова, да я и не ставил себе такой цели. Одно из них, пожалуй – главное, я все же сформулирую. Настоящая поэзия всегда прибавляет жизнь к жизни. Не отнимает, не имитирует, не использует, а – *прибавляет*.

Что это значит? О, я говорю сейчас о предельно простых вещах. Прибавить жизнь к жизни – это значит вылечить больного, родить и вырастить ребенка, спасти тонущего, поддержать погибающего, посадить дерево, научить мудрости, сосчитать звезды и восхититься, построить дом. *«Мы говорим о человеческой природе. И в ней всегда останется стремление к подлинному, пока есть такие вещи, как мама, земля, море... смерть...» (В. Месяц).*

Отнять жизнь от жизни – это предать, не оценить красоту, спилить дерево, качать нефть из недр и обогащаться, воровать, пользуясь властью, обмануть, заразить, не спасти. Сейчас мы как-то забыли, что для прибавляющих жизнь к жизни Данте открыл сферы «Рая», а для отнимающих, уменьшающих запас жизни на Земле – воронку «Ада». Поэзия и жизнь нашего века, к сожалению, построены так, что со времен «Фонтана» Дюшана профессионалы от искусства в основном отнимают от жизни энергию жизни, чтобы обеспе-

читать и подпитать себя, свой собственный успех. И всё бы ничего, но в результате такого распределения ролей поэзия претерпела стремительную метаморфозу, которую почти никто не заметил и не оценил с предложенной точки зрения, и теперь вместо того, чтобы прибавлять жизнь к жизни, поэзия стала отнимать жизнь у жизни. Перестала быть поэзией. Это словотворчество можно назвать как-то по-другому, но по привычке мы называем поэзией то, что ею давно уже не является.

Я сейчас не о мастерстве, не о начитанности, не об образовании, не о том, насколько стихотворение эффектно выстроено и прочитано или обращает на себя внимание. Это не обязательные для поэзии признаки. Я сейчас о признаке обязательном: *насколько стихотворение целебно, насколько оно терапевтично*. Насколько оно исцеляет и дарит удар сердцу и вдох – легким.

Я о том, что делает поэзию поэзией, и о том, что ее такой не делает.

Этому же процессу посвящена книга Вадима Месяца. Она написана практикующим поэтом и издателем, человеком много путешествующим, взявшим на себя миссию удержать поэзию в канве поэзии, родник в чаше для родника, ветер в кроне дерева. Это – дневник, бортовой журнал издательства (здесь и предисловия к пяти первым номерам журнала «Гвидеон», и рецензии на авторов «Русского Гулливера», и интервью, и полемические статьи). Однако целью этой

«текучки» становится нечто более серьезное. Дать непрямой ответ на «достижения цивилизации глобализма в поэтическом и жизненном аспектах». Занятие это неблагодарное и изнурительное, по себе знаю: то в тоталитаризме упрекнет не совсем образованный и в меру невежественный критик, то в утопичности и чрезмерной любви к России – другой. Но речь идет совсем не об этом. Год за годом, ни на кого практически не опираясь, Месяц делает свое дело – говорит об изначальной поэзии. Той самой, которая может существовать в тысячах форм: игры, путешествий, неоритуалов, поступка, жеста, текста. Той, которая превышает страны, разделы, языки и школы, поскольку она – одна на всех. Той, которая оживляет, а не умерщвляет интеллектуальными играми, перепевами кризисных поэтик Запада, стремлением «выразить себя»...

Примерно о том же пишет Ольга Седакова: *«Прямое продолжение такого положения вещей невозможно, полагал Данте. Современные социальные мыслители говорят о “тупике прямого продолжения” нашей цивилизации. Это кажется похожим на мысль Данте, но у Данте другая картина вселенной: корень “суд” в слове “кризис”, почти не слышимый для наших современников, был для него центральным».*

Современный алхимик как-то сказал, что золото может быть индустриальным – вы его видите в магазинах и носите на руках, и может быть живым. Живое золото можно найти в могилах древних царей и фараонов, и добывалось оно и

производилось совсем не так, как это делается сегодня – с помощью драги и станка. Живое золото несет здоровье хозяину, исцеляет боль, дарит радость.

Но ведь то же самое касается всех металлов, которые нас окружают. Они могут быть либо живыми, либо мертвыми, а выглядеть одинаково. То же самое касается деревьев и птиц, людей и рек. И задача поэзии – делать этот мир живым, восставлять жизненную интенсивность его угасающих свойств.

Задача – непомерной величины. Но Месяц берет ее на себя, подставляясь под критику и не вникающее в суть дела недопонимание и справа и слева; и эта необсуждаемая готовность к дискомфорту прежде всего выдает естественность его позиции и миссии, от которой просто некуда уйти – творец пойман творчеством.

Вот что Вадим говорит про новый журнал («Гвидеон»), созданный в русле деятельности по смене поэтических парадигм: *«Новый проект “Русского Гулливера” – иллюстрированный журнал с одноименным видеоприложением (www.gvideon.com) – логическое продолжение нашей работы по расширению пространства речи, уход от филологии в сторону сущностей, попытка услышать голос времени в шуме времени, облике времени, движении времени, духе времени, какими бы изменчивыми и неопределенными они ни казались. Визуальные практики, перформансы, акции и неоритуалы, – всё, чем грешат мода и современность, попадает в поле зрения “Гвидеона” хотя бы потому, что поэзия для нас*

не только текст, а то, что находится над текстом, просвечивает между слов, излучает энергию, втягивает в орбиту сопричастности».

И добавляет: «*“Русский Гулливер” не столько издательский, сколько мировоззренческий проект, ставящий своей целью смену культурных парадигм, установившихся в России, на наш взгляд, по недоразумению».*

Знаете, я перечитывал статьи и интервью, из которых собрана книга, и восхищался точностью и силой формулировок, не затемненных взятой напрокат, в качестве почему-то хорошего тона, лексикой французских философов-постмодернистов, которой Месяц сторонится как неглубокого детского увлечения или детской же болезни. И я понял одну парадоксальную вещь: признать и принять то, что написано в этой замечательной книге, – значит отказаться от внешней, плоскостной сложности и прийти к завораживающей простоте глубины, а это шаг для спекулятивного и вечно озабоченного самим собой сознания почти смертельный. Это значит перестать владеть *технологиями поэзии* и дать ей возможность *овладеть тобой*. Дать жизни стать тобой, воплотить ее в себе, провести через самого себя к другим: в стихотворении, в поступке, а не подгонять ее под ущербные концепции конечного интеллекта (основная деятельность, которой занята, и не без успеха, «современная» поэзия и философия). Примерно о том же говорил Бродский в своей речи в Стокгольме – об одержимости поэта языком (не концепци-

ями), однако я бы вместо слова «язык» в речи лауреата поставил слово «жизнь». Так или иначе, но разговор идет не о том, чтобы контролировать животворящий поток таинственной энергии бытия/поэзии, а о том, чтобы дать ей войти в тебя, осуществиться в форме стихотворения или действия и прибавить миру его самого.

Нет птицы вообще – ей надо помочь стать.

Нет человека вообще – ему надо помочь быть.

Нет камня и огня вообще – им нужны поэзия взгляда, наполненность сердца.

Им предстоит становление.

Но без них нам *не стать* самим.

Жизни надо помочь.

Об этом и написана книга Вадима Месяца.

Андрей Тавров

«Мы то, что воображаем...»

Интервью Рубену Ишханяну: вместо предисловия

Рубен Ишханян: Вы кандидат физико-математических наук. Когда решили всерьез заняться литературой?

Вадим Месяц: Не думаю, что какие-то гамлетовские вопросы передо мной стояли. Это решилось само собой. Нравилось сочинять. Вроде, получалось – и получается. Обстоятельства сложились так, что у меня по-прежнему есть на это время. Физику почти забыл. От нее остались уверенность в существовании критериев и чувство общего дела, которые я, очевидно, перенес и на литературу.

Р. И.: В прошлом веке нас учили, как освоиться со способом мышления математика. В чем суть математического мышления? В какой степени это удалось реализовать?

В. М.: Юнгер где-то обмолвился, что талант есть комбинаторное мышление. Это недалеко от истины. Многие парадоксальные формулы достигаются не столько прозрением, сколько быстрым счетом, количеством перестановок, вариантов построения фразы или сюжета. Есть вероятность, что таким способом можно натолкнуться на новую молитву, мантру, народную песню, на нечто, уже возникшее в носфере, но никем еще не использованное. Самое забавное,

что и банальность не надо исключать из поля зрения. Машина не может себе этого позволить. И потом, математика дает хорошую такую относительность восприятия: для меня этот опыт появился из римановой геометрии, где решение систем уравнений возможно лишь при допущении многомерных пространств. То есть законы природы можно объяснить только при построении модели, которая на бытовом уровне кажется невероятной. Для поэзии это полезно. Есть шанс, что ты вовлечешься не только в субъективную игру, но и в процесс познания.

Р. И.: Вы живете в Америке, пишете на русском языке. Не влияет ли повседневная английская речь на литературный русский язык?

В. М.: Я уже лет пять как в России. В Америке остались дом, друзья, коллеги, но семью я перевез под Москву (старшие дети в этом году пойдут в школу в Пушкино). И для «Гулливера» поле деятельности здесь гораздо шире. Множества вещей, которыми я здесь занимаюсь, в Америке бы не сделал. Запад слишком формализован, форматирован. Как минимум, в своем колледже я мог делать только то, что дозволено (семинары, конференции, переводы, публикации). Выяснилось, что этих степеней свободы мне мало. Так что последние годы в Америке я в основном ловлю рыбу (дом на озере в Аппалачах) или книжки пишу. Впрочем, в октябре этого года наметили с моими американцами русско-американский фестиваль в Хобокене, под Нью-Йорком. Давно не делали. В

90-х нам с поэтом и издателем Эдом Фостером удалось провести восемь таких международных тусовок. Так что опыт есть. А что касается влияния английского... Меня заносило иногда. Я, оказавшись в Штатах, стал уходить от плотности письма, больше появилось необязательности... Это не то чтобы тлетворное влияние чуждой культуры, это я так ее поначалу воспринимал. Много переводил тамошних авангардистов, – то, что стало сейчас поэтическим мейнстримом в России, очень похоже: путь меньшего сопротивления речи. Это стало популярным потому, что легко воспроизводится. Пройдет. Каждый язык развивается по своим законам. То есть какого-то англосаксонского влияния в моих стихах сейчас, пожалуй, не осталось. С прозой иначе. Здесь я, кажется, совершенно не продолжаю родных традиций. Совсем недавно понял, что Джон Дос Пассос, Фицджеральд, Миллер, тот же Том Роббинс помогли мне гораздо больше, чем отечественная классика. Кстати, проблемы с литературной речью были. Роман «Правила Марко Поло» казался моим издателям написанным не по-русски. Он на американскую тему и даже от лица американца (художественный прием, не более), но язык пришлось править, редактировать. Слишком вжил-ся в образ.

Р. И.: Глобализация обратила наше внимание на проблему пространства. Вы написали книгу «Час приземления птиц». Что для Вас есть время и место?

В. М.: Если я в детстве и юности о чем-то болезненно меч-

тал, то о свободе перемещения. Помню сон, где летаю на воздушном шаре над Сан-Франциско. Где-то в районе Северного пляжа, я потом эти места узнал. Летаю низко, шар мобильный, маленький. Сажу в пластиковом стульчике, как на карусели. И уговор такой: если спрыгнешь – станешь изменником Родины. Не спрыгнул. На дворе развитой социализм, за окном мороз, Сибирь. Уютное время. Так вот, проблему с пространством мне более-менее удалось решить. Очень легко теперь это получается. И чувствуешь себя как дома: хоть в Италии, хоть в Непале.

Сейчас я отвечаю Вам из Нарочи (Беларусь), через несколько дней уеду в Литву, и т. д. Тем не менее время – это нечто, идущее для меня только снаружи. Так бывает. Изменения в политике, старение, перемещения, геопоэтические проекты типа смещения священных почв и т. п. – что-то внешнее. В этом есть нечто алхимическое: то есть материальные ходы и преодоления ведут к изменению души, но ощущение какой-то византийской незыблемости на заднем фоне – преобладает. То есть я вполне могу вернуться к написанию стишка, который не закончил, когда мне было 15 лет, – понимая, что по большому счету ничего не изменилось. Остальное – вроде смены декораций, что ли. Я соблюдаю правила игры, поддерживаю «контролируемое безумие», остаюсь активным участником процесса. Вполне ответственно, если хотите. Но не очень-то принимая жизнь всерьез. То ли свойство характера, то ли времени, то ли хит-

рая духовная практика. Впрочем, это внутренние дела. А что касается внешних, то глобализм, несмотря на отвратительный колониальный контекст, массовую обезличку и утрату национального характера многими его участниками, – штука полезная и, возможно, даже ведущая к созданию мирового разума (если он и без этого не существует). Мое «глобальное почвенничество», о котором я говорю в «Норумбеге», отличается от «интегрального традиционализма» или «абсолютной мифологии» большей гибкостью, адаптацией к современным условиям, открытостью, дружелюбием... Не знаю, насколько у меня хватит вежливости, но пока что удается оставаться корректным. В мире существуют разные типы людей, и взаимопонимание между ними практически недостижимо: задача «избежать резни» вполне резонна.

Р. И.: В 2005 году Вы основали Центр современной литературы, издающий книжную серию «Русский Гулливер». В чем заключалась цель данного проекта?

В. М.: Мы начинали с книжной серии, которую делали совместно с издательством «Наука». Потом стали работать самостоятельно. На настоящий момент «Гулливер» – издательство, в котором выходит несколько серий: «Академический проект», «поэтическая», «мемориальная», «Гуманитарные исследования», «античная» и т. п. С другой стороны, «Русский Гулливер» не столько издательский, сколько мировоззренческий проект, ставящий своей целью смену культурных парадигм, установившихся в России, на наш взгляд,

по недоразумению. Я не стану говорить о постмодерне как об «оккупационном режиме», через это ерничество было необходимо пройти. Любой опыт положителен. Главное – перешагнуть и двигаться дальше. Мне в девственной Беларуси иногда кажется, что у здешнего общества нет прививки культурного или социального релятивизма... Чувства юмора, если хотите... «Революция через социальные сети» делает здесь офигенные вещи, но массе населения ход с аплодисментами в адрес правящего режима непонятен. А ведь как похоже на «асимметричный ответ», народное творчество.

Деятельность «Гулливера» близка к подобному акционизму. Внешне близка. «Призывание царей», которое я делал в разных странах, начиная с родины Александра Македонского; «Защита солнца» на 52-й Венецианской биеннале, заговоры против дождей и наводнений в Питере и Амстердаме, похороны Ленина, возложение Ельцина в Мавзолей, перенос камней с Синайской горы в Гималаи, в Стоунхендж, Кёльнский собор с мощами волхвов, в индейские пещеры и японские горы и т. п. Работа проведена масштабная, хотя люди знают о ней по обрывочной информации из Сети. Самое время издать обобщающую книгу. «Русский Гулливер: наша революция». Выход намечен на начало следующего года. Пока она не издана, мы с Андреем Тавровым опубликовали две книги эссе: «Письма о поэзии» Андрея и «Поэзия действия» Вашего покорного слуги. Начали подбивать бабки. А то забудется все. Если говорить коротко, «Гулливер» занимается

созданием ритуалов, восстановлением связи земли и небес. Я называл нас «арт-группой», но, думаю, эти дурашливые термины в данном случае не работают. В Беларуси занялся «восстановлением» Великого княжества Литовского. Белорусы-литвины... это, по существу, было их государство. Материалов пока не публиковал, покажу потом.

Р. И.: Какова современная литература России? Каковы тенденции ее развития?

В. М.: Я уже говорил: усреднение писательского и читательского уровня как следствие «восстания масс». Преобладание заимствований, имитация, вторичность. Перепевание и, надеюсь, переосмысление западного опыта. Здесь полезно понимать, что, как минимум, поэзия наших постиндустриальных соседей накрылась медным тазом, а у нас есть шанс на собственный голос. Не буду ворчать: талантливых людей много. Отработаются интерпретационные механизмы, шкала оценок, – все, что сейчас пребывает в культурной оппозиции и подполье, всплывет. Главная тенденция, думаю, в поиске соответствия между поэтической речью и уникальным «русским», условно говоря, культурным кодом. Вот его ломать не имеет смысла, это точно. А что касается массовой литературы... Я этот предмет совсем не знаю... Друзья ругаются. Это, видимо, следует понимать как возмущение, что читают Акунина и Пелевина, а не их, родимых. Мне как-то фиолетово. Все должно отстояться, пройти проверку временем, да? Вы помните, что было популярным в начале или

середине века? Не Платонов же... Не Добычин. И сейчас то же самое. Просто в процесс чтения вовлечено больше людей: повысилась грамотность. И они читают то, что им нравится. И писатели пишут для них, поскольку знают, что следует написать, чтоб понравиться. И перед ними надо снять шляпу: они ведут себя очень даже жертвенно, принося на алтарь повседневности свои бессмертные души.

Р. И.: В 2011 году вышла ваша книга «Норумбега: головы предков». Вы поднимаете проблему реальности. Насколько мы в вездесущем симулякре способны разузнуть подлинную реальность? Что есть действительность?

В. М.: Это первый том большой работы. «Мы то, что мы воображаем», – сказал какой-то пишущий индеец. В принципе, так и есть. Вернуть людям способность к воображению – вполне задача. Попытаться нащупать «подлинность»: эта забытая вещь существует даже в мире «производства безразличий». Витальность, глубина, попытка помочь и спасти... Хм, здесь все-таки важно чувствовать дух времени. Через симулякры мы перешагнули, архетипы остались. Эти сущности больше похожи на медицинский факт, они действительно неизменны. Мы говорим о человеческой природе. И в ней всегда останется стремление к подлинному, пока есть такие вещи, как мама, земля, море... смерть... Можно даже проще. Вы варите деревенскую курицу, и ее аромат распространяется на весь дом, да? А когда варите бройлерную из супермаркета, о запахе можно только догадываться.

На примитивном уровне это тоже выбор между подлинным и поддельным. Подлинное в виде organic food становится достоянием высших классов, что, конечно, потешно. Современное общество представляет собой спектакль, который не может вечно продолжаться. Можно говорить о массовой избалованности, извращенности вкусов, отрыве от традиций, глупости... Но если у народов осталось чувство самосохранения, они эти детские болезни переживут. Может, загнутся некоторые вещи типа поэзии, в том смысле, как мы ее сейчас понимаем, или, там, искусство психологического романа, но появится что-то новое, и оно, это новое, рано или поздно обратится к старому. Как мы сегодня смотрим на античную поэзию или с замиранием сердца слушаем народные песни. В общем, я бы в сложившейся ситуации не паниковал. Люди по-прежнему готовы прислушиваться ко всему, что делается с чистым сердцем. Надо искать какие-то новые слова, чтоб достучаться. Или по-другому преподносить старые истины.

Р. И.: В книге «Норумбега: головы предков» Вы пишете: «Все мы лизнули в детстве топор на морозе, и теперь нашей речи привычней шаманский вой, чем внятное слово». Возникает вопрос: каков был язык первого человека? Каков будет язык сверхчеловека?

В. М.: Вначале было дело (говорит Фауст у Гёте), потом попробовали это дело назвать и обозначить. Народные мифологии и ритуалы, описанные Фрэзером и Тейлором, для

меня – поэзия гораздо большая, чем светская культура «правильного составления слов». Есть предположение, что поэтический язык первочеловеков был более действен, чем нынешний. Колдовство – практическая вещь. Восхваление Бога – более высокая практика. При упоминании о «сверхчеловеке» мне проще думать о его универсальности, чем о ловкости и силе какого-нибудь «супермена» или «паука». Бодхисатва, человек просветленный, – вот это хороший образец. Потому я бы скорее изучал физиологию и язык йогов, а не фантазировал о «киборге». Лучшее, что мне на эту тему попадалось, – «Йога: бессмертие и свобода» Элиаде. Хотя тут не читать надо, а медитировать. А книги пишутся по-разному. Так, чтобы что-то с неба упало, бывает редко. Материал собираешь, планируешь. Полно рутинной работы. Я сейчас пишу некоторую прозу: до недавнего времени знал, что с кем будет, страниц на тридцать вперед. Приехал в гости друг, геолог, коллекционирует минералы... Крупнейшая коллекция того-то и того-то. Оказывается, занялся в последнее время метеоритами, ездит в экспедиции, копает, сделал какой-то чудесный глубинный металлоискатель. Поговорили несколько вечеров. Господь мне его послал, что ли? Стало понятно, чем дальше будут заниматься мои герои, легла карта. Самое странное, что текст приближался к этим метеоритам и без того. В общем, теперь осталось эту книжку только написать. Возни еще много, но алгоритм движения прояснился. Благодаря случайной, в общем-то, встрече.

Р. И.: Сегодня мы живем на переходном этапе. XX век изменил наше мышление. Мы часто стали обращаться к Античности. Что будет с христианством после метафизики?

В. М.: Античный опыт – якобы счастливый, христианский – якобы страдальческий. Что-то меня в этом суждении смущает, чувствуется подмена. Когда-то радостно читал «Языческий империализм» Эволы; если снять немного жутковатый «арийский подтекст», это и сейчас может быть актуальным. С другой стороны, я не уверен, что христианство – религия слабых, юродивых... В конце концов, существовало рыцарство раннего христианства или, например, тамплиеры, сохраняющие связь с тайнами Востока. Христос – герой яростный, бескомпромиссный. Воинственные германцы не случайно предпочли Его Тору: Христос приносил победу. Нынешний мир по преимуществу атеистичен. Существоющее противостояние – между верующими и безбожниками, а вовсе не между христианством и исламом. Переходность этапа вряд ли связана с проблемами религии, если не вспоминать о солидификации Вселенной, вытеснении идеального материальным, о Кали-юге, «железном» или «пластиковом» веке. Речь, скорее, об овладении информационными технологиями, постановке их на пользу, а не на дезориентацию человечества. Владельцы медиа в этом не заинтересованы, задача – перенаправить информацию, перестроить матрицу. Это возможно. Современные средства коммуникации должны служить укреплению духа, быть вовлечены в созда-

ние религии, способной объединить и примирить. Главное – отсеять лишнее. Метафизическая работа может продолжиться, но уже на другом качественном уровне. Мне в это хочется верить. А что касается христианства, скажу вот что. У «Гулливера» был такой проект-ритуал – «Молебен о палачах», или «Молитва о палачах», посвященный избавлению от теней нацистского и большевистского прошлого. «Возлюби врага своего» – прописная христианская истина. Так вот, реакция была крайне ожесточенной и слева и справа. Упрекали чуть ли не в сатанизме. Я давал подробное интервью канадскому сайту, посвященному Соловкам. Посмотрите, там подробно объясняется, что к чему. Главное, что я понял, – актуальность христианства, его силу, проникающую способность. Это – колоссальное оружие защиты и нападения. Я сначала не подозревал, что подвижничество христианской психологии, простая молитва за грешников может выбить камень из фундамента «тирании покаяния», на которой, похоже, современная цивилизация и держится. Жить лишь затем, чтобы то-то и то-то не повторилось, – остаточный принцип. Мы перешли эту реку и должны двигаться дальше. Однако люди в своем большинстве не готовы расстаться с химерами прошлого, с собственными врагами и страхами. Они им более необходимы, чем свобода и ясность мышления. И христианство, если оно пытается избавить их от жупелов и страшилок, моментально демонизируется.

Р. И.: Какая проблема Вас больше всего тревожит? Над

чем Вы сейчас работаете?

В. М.: Успеть сделать все задуманное, воспитать ребятишек. Обыкновенные тревоги. Сейчас пишу книжку, похожую на роман. Я уже говорил об этом. Фантастическую. Мистическую. Маркес или Павич на белорусско-литовском материале. Я не силен в массовых жанрах, но, надеюсь, будет интересно. Раньше ничего подобного не делал, поэтому увлечен не по-детски. О деталях промолчу, чтоб не сглазить. Я уже проговорился на радостях про метеориты...

Март 2012

(<http://www.twunion.com>:

«Переводчики стран СНГ и Балтии»)

«Гвидеон»: **от руководителя проекта**

«Гвидеон»: алхимия творчества

Новый проект «Русского Гулливера» – иллюстрированный журнал с одноименным видеоприложением (www.gvideon.com) – логическое продолжение нашей работы по расширению пространства речи, уход от филологии в сторону сущностей, попытка услышать голос времени в шуме времени, облике времени, движении времени, духе времени, какими бы изменчивыми и неопределенными они ни казались. Визуальные практики, перформансы, акции и неоритуалы, – всё, чем грешат мода и современность, попадает в поле зрения «Гвидеона» хотя бы потому, что поэзия для нас не только текст, а то, что находится над текстом, просвечивает между слов, излучает энергию, втягивает в орбиту сопричастности. Кто-то чувствует эти вещи и входит в контакт, а кто-то нет. Хотя я надеюсь, что журнал может оказаться интересным как одним, так и другим.

Ограничиваться какой-то определенной поэтикой, традицией, декларациями возрастных или политических групп, претендовать на изобретение стиля, – ребячливо, некон-

структивно. Лучше играть со стилями и эпохами. Поэзия может быть разной. Она там, где есть искра Божья, свет: «Дух живет где хочет». Превратить поэзию в «философию общего дела» и есть цель «Русского Гулливера», и этого журнала в частности. Поэзия – избавление от эгоизма, почти религиозная интенция. Панибратство исключено, если есть критерии творчества. К их возвращению в жизнь и стремятся наши проекты. Нашупывая точку отсчета, в которой все наши начинания и предметы гордости не значат ровно ничего, становятся nonsensом, мышшиной беготней, мы выстраиваем иную шкалу ценностей, преодолевающую не только коллегальную субъективность, но и антропный принцип вообще. «Вначале было дело», – говорит гётевский Фауст, и Книге Бытия это не противоречит. Рождение поэзии происходит в той точке, где слово и дело были равны. Таким образом, журнал «Гвидеон» не только свод текстов и статей о них. Это своего рода алхимическая печь, в которой скромно и естественно возникают новые качества и новые ценности. Это не фиксация состояния литературы, это процесс ее создания.

«Гвидеон» – от имени Гвидон: князь Гвидон, герой Пушкина. Завистники бросают младенца в море, но он, подобно библейским Ною, Моисею или кельтскому Талиесину, выживает, рождается вновь. Смерть поэзии, как и смерть Бога, не катастрофична; мы живем в переходную эпоху. Гибель одного предполагает появление другого. Если у людей остается интерес к жизни, то останется и вкус к поэзии. На ее второе

рождение мы и рассчитываем, его и торопим. Качественные изменения предопределены природой, спиралями развития, парадоксом «вечного возвращения». Появившись в устной форме, пожив на камне, пергаменте, бумаге, поэзия перемещается в виртуальное пространство, обживает его и вновь, как доисторический зверь, выползает из воды на сушу. Наша задача – разглядеть в этих замысловатых траекториях следы богов и, может быть, вновь увидеть их лица.

Второй концерт Рахманинова как национальная идея

Когда-то я переводил большую обзорную статью об американской поэзии и наткнулся на высказывание автора, сожалеющего о том, что поэт-посланник вроде Пабло Неруды в американской культуре невозможен. Мысль меня насторожила: в России тех лет глашатай и какой-либо буревестник казались чрезмерностью, чуть ли не дурным вкусом...

Времена изменились. Коллективно-мистическое, экстравертное – «поэт должен быть больше, чем поэт», вера в особую роль литературы и ее воздействие на общественную жизнь – возвращаются; мы остались такими же, какими были. Фенотип, архетип... Национальную специфику надо беречь.

Сейчас о другом. О вещах внутренних. О провинциализме, вернее – о двух формах периферийности, сжимающих нашу поэзию в осадное кольцо. Что такое провинциализм? Несамостоятельность, вторичность, подражательность, да? Итак, первый фланг – посконный, лапотный, «народный», условно говоря, традиционный. В идеале эта тенденция должна бы подчеркивать достоинство классического выбора, делая ставку на гармонию. Лучшие образцы этой практики на настоящий момент – стихи о природе и любви, выражение скромных, но чистых чувств, христианская лири-

ка, публицистика. Преимущественно эта поэзия стала формой общения в социальных сетях, обрела свою нишу вне литературных конкурсов и журнальных публикаций. Сообщество создано. Этому, как бы варяжскому сегменту нашей литературы успешно противостоит западнический фронт: евроатлантический, продвинутый. Здесь знают правила поведения в обществе и литературе, говорят об эволюции в поэзии, пытаются диктовать моду. В силу постсоветского расклада крыло все еще имеет авторитет, хорошую информационную поддержку, опору в литературных и академических институциях, вышедших из советского истеблишмента и самиздата. Единственная весть, которая может быть выношена в этих рядах, – диссидентская. Раздраженное, почти паническое оживление, связанное с рокировкой в высших эшелонах власти, говорит, что эта карта может быть в очередной раз разыграна и даже принята в «прогрессивном мире» за чистую монету.

Зачем повторяться? Международный успех Бунина и Шолохова смотрится сейчас выигрышнее, чем впечатляющие победы авторов интеллигентского направления: Бродского, Пастернака и Солженицына. В связи с изменением мирового политического контекста, увы, меняется и восприятие их творчества. Я вынужден называть «нобелиатов», поскольку до последнего времени именно эта роль, с некоторыми оговорками, на них и возлагалась. Бунин приносит весть о России навсегда ушедшей, Шолохов – о новом строитель-

стве, Солженицын – о том, что строительство, увы, кровопролитно. Наконец, Бродский и Пастернак сообщают о себе самих на фоне всего этого. Мир меняется: не знаю, насколько нас будет интересовать мнение Шведской академии через десять, скажем, лет, если переоценка ценностей пойдет тем ходом, который предчувствуется в России уже сейчас. Самостоятельность – вещь трудная, в Отечестве пока что диковинная, но рано или поздно зрелость прийти должна. И торопить ее не надо, и форсировать нет смысла. Это естественный процесс. Потенциал распределения Божьего дара в обоих лагерях я не рассматривал. Таланты – они вне и над. И весть наша – пока что в шуме общих голосов, дай бог выразить ее кому-нибудь одному. Она нужна именно нам самим: на мировое понимание я бы пока не рассчитывал.

Разговаривая с западным цивилизованным человеком, мы всегда вынуждены допускать, что нечто неартикулируемое неминуемо остается за скобками. Общение может быть более-менее близким (бывают же смешанные браки), но барьер есть. Существуют вещи, которых мы не сможем им объяснить, но которые между нами понимаются с полуслова. И эти вещи существенны, важны. В них тайна, разгадка цивилизационного кода. О загадочной русской душе не буду. И об обреченности на непонимание – тоже. На Западе, на мой взгляд, русские часто живут не из-за теплого климата и политических свобод, а из-за трудноуловимого ощущения собственного интеллектуального и духовного превосходства.

Даже механики автомастерских, даже новые русские банкиры. Не говоря об «интеллектуалах» полета Набокова и Бродского. Я размышляю об этом «тайном спуде», «таинственном опыте», «духовном излишке»: именно они позволяют не обращать внимания на насмешки и поучения Запада, великодушно не обижаться на внутренних оппонентов.

Вот что пишет о русских китаист Владимир Малявин: «Мы имеем дело именно с практикой повседневности, обладающей колоссальной жизненной силой, силой неиссякаемого сопротивления всем схемам жизни. Знаменитая “косность” русского быта есть только другое название господства декоративного элемента в насквозь ритуализованном и потому эстетизированном миросознании Московского царства и народной массы Российской империи. Русскому восприятию повседневности свойственно обостренное сознание внутренней самодостаточности и силы практик повседневности, не знающей границ и кодов официального порядка. ... Теперь есть основание говорить и о другой, по-своему еще более существенной стороне повседневности: о повседневности как воплощении, говоря языком китайской традиции, “великого покоя” ... равнозначной “недеянию”, или благодетельной беспристрастности правителя на Дальнем Востоке». Я ликую. Об этой, казалось бы, весьма заметной вещи почти никто никогда не говорил. Не знаю, насколько эти черты способствуют созданию собственной философии (не говоря об экономике), но что они полезны для поэзии – точно.

«Блестящие интеллектуалы всегда обитают в пещере понятия мышления; они никак не могут покинуть ее, чем бы ни занимались. Проходят годы – и она поглощает их все больше и больше. Постепенно их ум и понятия сливаются в одно целое. Поэтому я говорю, что можно избежать ядовитых змей и зверей, но нет способа избавиться от умственной концептуализации... Люди изумляются, услышав, как я говорю: “Избавьтесь от мышления”. Они изумляются, теряются и не знают, что делать. Им следует уяснить, что именно тот момент, когда возникает это чувство потери и ослепления, – самый подходящий для осознания (буквально: для освобождения своего тела и своей жизни) (Су Дунь-ли)». Видимо, разница западных и восточных практик письма где-то здесь. Русские не китайцы, но попробовать понять их через великого восточного соседа – имеет смысл.

Прививка постмодернизма, данная нам в «смутные годы», отразилась на сознании русских куда более благотворно, чем мы привыкли думать. Мы получили хорошую школу релятивизма, стали «хитрее», «изворотливее», «циничнее»: нам ли не понимать, что такое несимметричный ответ, о котором говорят политики и военные спецы, размышляя о нынешних «диффузных» противостояниях. Впрочем, и до «культурной оккупации» синтетическое мышление, неожиданно сочетающееся с глубинной тягой к последней правде и последней справедливости, было более распространено, чем аналитическое. Синтетическое мышление – это то, что предполагает

существование сразу нескольких логик вместо одной, подбор логики, отличной от алгоритма противника. Существование нескольких логик одновременно, нескольких параллельных ответов, из которых должен быть выбран один наиболее парадоксальный, в этом понимании является определением таланта (интуиции). Другими словами, способность к фантазии, воображению. Славянский ренессанс, обозначенный Милорадом Павичем, вполне может состояться на просторах нашей Родины. Способность нести обаятельную пургу, через которую тем не менее просвечивает святая и бездонная истина, – мерцает в нас от Гоголя до Курёхина. Почти дзенский абсурд – русское умение; литература, кажется, только начала его осваивать.

Алогичное мышление (в частности, фольклорно-поэтическое) в определенных условиях может быть лучшим способом познания, изначально полагая электрон и волной и частицей, а слово – и топором и иконой. Массовая кельтомания среди русских неслучайна: священное безумие в поэзии, парадоксальный юмор, сказочная религиозность. Ирландцы создали свою метафизическую литературу, мы еще нет. Мы подошли к порогу и словно на миг застыли. Китайская весть, кельтская весть, латиноамериканская весть. Где русская? По-моему, на подходе. Преодоление литературы по-русски – одна из самых долгожданных для меня вестей; не знаю, от чего она будет отталкиваться: от протопопа Аввакума, «Слова о полку», Державина, Хлебникова, Гага-

рина, Калашникова...

Поэзия – вещь сверхчеловеческая и, значит, наднациональная. С другой стороны, каждый народ играет свою партию в общем оркестре истории: в силу своего темперамента, менталитета. Именно так развивается любая национальная культура – через заимствования. Соло на этом балу – вещь относительная. Главное, что каждый занят своим делом и по-своему необходим. Так вот, русские для меня звучат отнюдь не балалаечным или бутылочным звоном, а фортепьянными накатами Рахманинова, Прокофьева и Чайковского – мощным и неповторимым больше нигде звуком и тоном. Если бы наша «национальная поэзия» восприняла сегодня этот простой факт как фон, на котором можно работать, она зазвучала бы иначе. Кротость, смирение – хорошо и похвально, но для полноценной жизни нужен полный диапазон звуков. И он в нас есть. Мы закрылись, сбитые с толку политической неразберихой, увязшие в плену бесплодных самоунижений, в ученических оглядках на давно тупиковые штудии западной «университетской литературы». Но двадцать лет обморока, полусмерти – это же инициация, начало перехода на новый, более качественный жизненный виток. Теперь можно многое начать сначала. Почти с нуля. Отбросив все призрачное и вымороченное. Не для нас ли В. Н. Топоров восстанавливал индоевропейский протогимн, Вяч. Вс. Иванов выпускал «Мифы народов мира», Д. С. Лихачев восстанавливал берестяные грамоты и «Слово о полку»? Старшее поко-

ление сделало достаточно много, чтобы мы росли нормальными людьми. «Чтоб я их предал?» По существу, издана вся русская философия прошлого века, лучшие образцы западной и восточной. Я это к тому, что для восстановления, а еще лучше – для воссоздания, идентичности есть всё.

Говорят, мы имперская нация. Такова наша история. Как и англичанин в Англии, например, или американец в Америке, – русский, лишенный имперского сознания, уже не русский. И сейчас мы говорим не о деспотизме, а об универсальности сознания. О всемирной отзывчивости, империи духа. Это, если хотите, иной, более высокий, модус бытия. В нашем Отечестве эта привычная мысль, в той или иной огласовке, проявлена как догадка о чем-то большем, всемирном, к которому Отечество и предназначено. Третий Рим – трон духовный, здесь же теократия Владимира Соловьева, откровения Достоевского, прозрения Тютчева... сейчас идея также на слуху, причем в самых различных исполнениях. Применим эти понятия к поэзии; страна, как ни верти, литературоцентрична. И в эту центричность русскими втянуты остальные братские народы нашей державы. Православная цивилизация, о которой говорит Хантингтон, – нечто большее, чем славянство. Имперскость, стремление к расширению на весь мир – являли античная поэзия (Гомер и Вергилий), Киплинг, Паунд. Христианство могло осуществиться только в Империи с ее дорогами и всемирностью. Все великие проекты древности обращались к большим про-

странствам. Земным или небесным. Запад своей единой и всемирной духовной сущности сегодня по ряду причин лишается: не нужно распространять свою ущербность на весь мир. Я не вижу преимуществ прогресса и демократии в том виде, в котором они оформились у наших соседей. Особенно для литературы. Русские обладают глубинными ресурсами собственного рецепта. Поэзия сверх-человечна и наднациональна? Миссия России так же сверхчеловечна и наднациональна. Это замечательное совпадение нужно использовать.

Говорят, что русских элит, столь необходимых для возрождения идентичности, в России не создано. Так ли это? Не знаю. Меня интересует: плачевна ли эта гипотетическая ситуация для поэзии? Стихи сочиняют не элиты (не интеллигенция), поэзия – удел более древних ментальностей, чудом проявляющихся в настоящем. Другое дело – читатели. Они существуют, и если в настоящий момент от поэзии отвернулись, то не наша ли в этом вина? Напишите что-то интересное, что-то из ряда вон выходящее. «Встают невежды и восхищают небеса» – я люблю повторять эту формулировку блаженного Августина, хотя «просвещенное варварство» более предпочтительно. Пусть комментаторы правы и русских элит по-прежнему не существует, но предположить, что за времена унижительных испытаний в стране выкристаллизовывается новый, невиданный доселе дух, очень хочется. И мне кажется, я вижу его очертания. Во многом они до сих пор стоят на материке Серебряного века, кто-то идет дальше, вы-

бирая в учителя Ломоносова и Державина. Главное, что нынешнее положение вещей дает нам свободу выбора и некоторую множественность точек отсчета. И Византия, и Древний Иран, и «Белая Индия», и Греция, и Орда, и сама «изначальная Русь», не говоря о «наших» Европах и Америках, – определяют манеру поведения и литературного письма. Откажись от всего этого – станешь никем. Председателем земного шара мог быть только русский поэт. Имейте это в виду.

Не обладая капиталами и влиянием Альфреда Нобеля, я возложил ответственность по русификации нашей изящной словесности на «Русского Гулливера», коллективного автора, которому рады в каждом доме на каждой земле. Этот положительный персонаж может быть вполне антропоморфен и персонифицирован, может скрываться за грифом издательства, где и следует поддержать эту большую музыку. В его планы входит создать платформу для инновативной русской поэзии на страницах «Гвидеона». Инновативной – значит, надо что-то придумать, а не просто плыть в потоке своих сердечных чувств. Золотой век, Китеж, Беловодье, царство пресвитера Иоанна.

Или, к примеру, Иван-царевич как сокрытый имам Махди? Не хотите? Предложите что-нибудь свое. Вы можете. Судя по опыту нашего поколения, мы вполне готовы воспринять опыт не только Гарсиа Лорки, но и Эзры Паунда и даже Джона Эшбери. Я вижу обновленную русскую поэзию – впитавшую мировой опыт, играющую с ним с позиций взрослого

ребенка, который, как и Заратустра, побывал и «верблюдом» и «львом», или как там рисовал законы развития души любимый философ. Который освободился, просветлел. Слушайте голос сердца и крови, которую оно перекачивает. Плюньте симулякрам в рожу. Надоело. Это не модно. Не прижились они у нас. Разве что в политике, но это вообще отдельная статья. И читайте побольше, ни в чем себя не ограничивайте. И потом пишите, всего этого начитавшись. Лишь бы получалось по-русски. Мощно. Одни исполняют камерную музыку, другие – оркестровую. А вы, мои коллеги-литераторы, не бойтесь медведя в посудной лавке. Звон фарфора и хрусталя – это красиво. Он тоже должен быть включен во Второй концерт Рахманинова с оркестром.

Праздник непослушания

Молодость – пора дерзости, амбиций, понтов. Мы отгалкиваем всё, что нам навязывают другие поколения, – желая проверить каждую практику на собственном опыте. Самоутверждение – чувство полезное, но недостаточное. В свое время именно молодость изобрела романтическую поэзию, футуризм, рок-н-ролл, рэп. Сторонники линейного прогресса (а они, как ни странно, еще существуют) считают, что в поэзии возможно развитие. Что Мандельштам круче Вергилия, а Эминем круче их обоих. Мне более понятно движение по спирали, или, как говорят философы, идея «вечного возвращения». На малых промежутках времени ощущение цикличности не столь очевидно: поживем – увидим. Восточная практика ученичества и преемственности, по большому счету, новым временем отброшена: переосмысление традиции происходит через ее отрицание. Суфии говорят: неверие учителя есть вера ученика¹. И наоборот. Забудем о внутренней предрасположенности души: многие вещи делаются из чувства противоречия. Назло. Впрочем, чем сильнее что-то отшвырнешь, тем с большей вероятностью потом этим заинтересуешься.

Восстание против отцов – не только подростковый комплекс, издержки «трудного возраста»: в 68-м молодежь бе-

¹ См.: *Нурбахи Д.* Беседы о суфийском пути. М.: Риэлтивэб, 2009.

рет штурмом библиотеки и оперные театры, утверждая новый массовый стиль, выдвигая своих писателей и мудрецов; битники собирают огромные аудитории, хиппизм становится образом жизни. Для нас таким революционным прорывом стали метареализм и концептуализм конца 80-х – начала 90-х. Причем речь не только о группе литераторов (группы всегда существуют), но и о языке поколения. Быть соразмерным своему времени, ощущать плечо собрата, – очаровательное чувство. Проблема в том, что единение коллективизма в один прекрасный момент начинает казаться стадностью, подражательностью, общим местом. Ну, это если у тебя лично что-то есть за душой. Если ты что-то представляешь собой как личность. Начинаются сомнения, ломки, поиски. Ты понимаешь, что время или определенный метод мышления навязывает тебе некие контексты, когда определять свое место в литературе ты хочешь сам. Желаеть сам эти контексты устанавливать: в силу собственного уникального опыта и чувства. Надоело рифмовать – начинаешь писать верлибром; почувствовав однобокость этого письма, возвращаешься к ритму и метру или объединяешь то и другое. Будучи пролетарием, тянешься к интеллигенции; став интеллигентом, тянешься к народу. Живя в Азии, превозносишь Европу; хлебнув западного опыта, с интересом смотришь на родной простор. Цепь отталкиваний практически бесконечна. Пресыщение – главный психологический и мировоззренческий источник познания. Пусть это и не есть та самая рабо-

та души, которая порождает поэзию, но это фон, на котором работа души вполне может состояться. Все вокруг читают рэп? Удиви подругу песней Исаковского. Увлекаются Буковски? Прочитай вслух псалом Давида. Люди катаются по европейским поэтическим фестивалям? Езжай на Байкал собирать казачий фольклор... Не позволяй никому себя учить и лечить. Я бы хотел, чтобы на страницах «Русского Гулливера» эта дидактическая интенция отсутствовала. Наше дело – предлагать, не более того. Праздник непослушания. Поэзия в действии.

Лучше быть несчастным Сократом, чем счастливой свиной, – хорошо сказано. Однако насколько запрограммировано это несчастье, вернее – насколько можно использовать его для счастливой полноты жизни? Я часто слышу от друзей, что цельность человека невозможна, что расщепление сознания – черта не только эпохи, но и самой природы. В нас должно жить множество взаимоисключающих душ вместо одной: состояние такого болезненного спора и есть творчество. Я отвечаю, что это – потакание своей болезни (не будем определять ее в медицинских терминах), демонстрация ущербности, отсутствие позитивного посыла. Но, похоже, многих именно это и устраивает, хотя шизофреничность, по моему, серьезно отличается от «священного безумия», которым и является лучшая литература. Различие между «утверждением жизни» и ее отрицанием стерто. В нас настолько силен инстинкт декаданса? В мире не может быть твердого

«да» и твердого «нет»? Нет смыслов и смысла? Я далек от душеспасительных разговоров.

То, что мы в течение прошлого века исполняли, по существу, «песнь бессилия»², вовсе не значит, что это единственно возможная песня. Для молодого человека она, на мой взгляд, неестественна. Молодость героична, воинственна, ее вряд ли должны прельщать испорченность и извращение. Ты демонстрировал свою утонченность, обаятельно культивировал слабость или эпатировал публику, чтобы возвыситься в кругу друзей или понравиться девушкам? Что делать, если общение с друзьями себя исчерпало, множественность дам сменилась постоянной любовью или полным разочарованием в противоположном поле? Дело может закончиться трагически.

Этот номер «Гвидеона» – молодежный, посвящен поэзии и прозе авторов, не достигших тридцати пяти лет. «При слове “тридцать семь” в момент слетает хмель», – поет Высоцкий, обращаясь к истории отечественной литературы. Ждать авторам до «рокового срока» осталось недолго. Переход из условной молодости в условную зрелость обычно переживается трепетно, романтика рефрена «буду умирать молодым» по-прежнему в ходу. Что тут скажешь? Алкогольными самоубийствами и «кризисом среднего возраста» пускай занимаются психотерапевты. Другое дело, что нынешний безопасный уклад литературной жизни позволяет «поэту» по-

² Зерзан Д. Первобытный человек будущего. М.: Гилея, 2007.

сле опубликования нескольких книг и получения пары премий удовлетворить тщеславие, уйти в околотитературный бизнес, «не жалеть, не звать, не плакать», в общем – не писать. Главное – оставаться на слуху. Это отдельная, специальная профессия, о которой Владимир Семенович, сочиняя свою песню, не подозревал. Времена меняются. Эволюция на пути к сверхчеловеку парадоксальна. Но ведь не каждого устраивает столь бесславное существование. Ты пришел в этот мир, чтобы его изменить, да? Для этого тебе нужны силы, духовные опоры. Если хочешь – сверхценности. Не буду говорить здесь о «трансцендентном измерении бытия», хотя дело именно в нем. В конце концов, можно подобрать другие, более житейские формулировки. Например, «сила заблуждения». Без идей, пусть даже ложных, ничего серьезно не достигнуть. Если «священным» стал для себя ты сам, со своими привязанностями, сексуальными приоритетами, любимыми напитками и книгами, шанса выйти из болезненного круга почти нет. Нас спасает нечто внешнее, объективное, равнодушное. Я бы сказал, что это величина постоянная для всех поколений и наций, «ценностей незыблемая скала», о которой писал Мандельштам. Только соотношение твоего творчества с этой величиной и может позволить удержать тебя на плаву и на лету. При отсутствии религиозного опыта (пусть подсознательного) человеку объяснить это трудно, но часто само творчество приобретает черты такого опыта и становится неуязвимым для советов и наветов.

Наличие «силы заблуждения» – особый дар. Возможно, врожденный. Нечто вроде способности быть счастливым, воспринимать поэзию и жизнь не только как праздник непослушания, а как праздник вообще. Праздник невозможен без категорий чуда, тайны, утопии. Победивший временно позитивизм обречен в силу своего занудства, предсказуемости, двухмерности изображения. Чем нас смущала советская поэзия в ее худших образцах? Механицизмом и воинственным безбожием. Думаете, эта традиция полностью перековалась на stih.ru? Да ничуть. Она повсюду – от толстых журналов до тонких. Самое потешное, что так называемая инновативная и продвинутая поэзия, по сути, ничем от своей социалистической предшественницы не отличается. И когда я отрекаюсь от мирской лирики, я отрекаюсь именно от того, что разложимо на материалистические составляющие, имеет различимую невооруженным глазом природу и никакой сверхзадачи в себе принципиально не несет. Появление на заре перестройки Бродского с его (не его, конечно) идеей частного существования в обществе коллективистских ценностей казалось откровением. Однако времена изменились: практика чисто литературного бытования вошла в противоречие с отечественной традицией, где «поэт больше, чем поэт», и с интересами творчества вообще. Другими словами, практика частного существования нам надоела. Так же как надоела Boney M – и мы переходили на Led Zeppelin, надоел Led Zeppelin – и мы слушали Прокофьева и Стравин-

ского. Свобода выбора. Активный постмодернистский скепсис. Подвергай всё сомнению, сказали Карл Маркс и Будда Гаутама. Отличный способ жизни. Я бы сказал, что бесконечная прогрессия подобных отталкиваний и отрицаний ведет к созданию так называемого идеального стихотворения. Если мы не будем допускать его возможности, сильно проиграем в духе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.